

ЗА РУБЕЖОМ

УДК 316.775

Д.В.Ермолович

Трансформация Я в процессе коммуникативного дискурса

В статье выдвигается требование последовательного преодоления препятствий личностного роста, обеспечивающих выполнение программы самореализации через рост коммуникативной компетентности: социализация как манипуляция (триадическая конструкция – мы-коммуникация); персонификация как трансакция (диадическая конструкция – ты-коммуникация); индивидуализация как актуализация (монадическая конструкция – эгоида – я-коммуникация). Предлагается авторская модель развитой личности как «дееспособного» коммуникатора.

Ключевые слова и фразы: коммуникация, дискурс, социализация, персонификация, индивидуализация, манипуляция, трансакция, самоактуализация.

D.V.Ermolovich

The Transformation of I in the Process of Communicative Discourse

The paper puts forward the requirement to overcome consistently the obstacles of personal growth that provide the execution of the program on self-realization through the growth of communicative competence: socialization as manipulation (a triadic structure - we-communication); personification as transaction (a dyadic structure – you-communication); individualization as actualization (a monadic structure of an egoid - I-communication). The author offers the model of a developed person as an “able-bodied” communicator.

Key words and phrases: communication, discourse, socialization, personification, individualization, manipulation, transaction, self-actualization.

На рубеже веков философско-критический анализ действительности нашел свое выражение в понятиях «коммуникация» и «дискурс». Если «коммуникация» есть формальное выражение зрелого, содержательного, intersubjectивного («раздвоенного-единого») взаимодействия, то «дискурс», в свою очередь, это содержательное выражение такого взаимодействия. Раскрытие категориальной связи формы и содержания требует целерационального, инструментального, «трудового» (не «игрового», случайного по Ю.Хабермасу) действия. Дело не в том, что естественный ход познания – это движение от простого к сложному, от случайного к закономерному, от внешнего к внутреннему, от идеи к сущности и т. п., а в том, что выбираемое за первичное ни простым, ни случайным, ни внешним, ни идеальным не яв-

Ермолович Дмитрий Валентинович, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, кандидат философских наук, доцент, Республика Беларусь, г. Минск; конт. инф.: ermolovich@bsuir.by

© Ермолович Д.В., 2016

ляется. Первичное (гносеологически, не натурфилософски понятое) – и внутренне противоречиво, и гармонично упорядоченно, т. е. еще не познанное. Необходимым результатом философско-критического познания поэтому становится не знание чего бы то ни было (это задача науки), а указание направления поиска с целью возможности контроля за самим процессом познания («сократово незнание и майевтика»).

Определим *дискурс* в хабермасовом духе как рефлексивный «труд», работу, практику по «проблематизации» собственных мотивов, намерений и поступков, как анализ и возможную «отсрочку» внешних принуждений к действию, как притязание на аргументирование, оценку, контроль и самоконтроль совершаемых действий в процессе реальной коммуникации. Тогда рассматривая «коммуникацию» и «дискурс» как парные категории, т. е. одна категория не может быть определена, понята без другой, обнаруживается, что отрыв коммуникации от дискурса делает ее «формальной», не эффективной, указывает на кризис в отношениях сторон коммуникации. Поясним это на примере искусства: «чисто формальное», как и «чисто содержательное», искусство всегда «кричащее» – кризис духа. Якобы простота «чистого искусства» указывает на «перезагрузку» системы ценностей, на необходимость поиска путей выхода из духовного кризиса, как в романе Дж.Оруэлла «1984», где отрыв коммуникации от дискурса есть не только манипулятивный инструмент управления чужим сознанием, но и не способность выхода из даже осознаваемого кризиса.

Онтогносеологические зарисовки к проблеме коммуникативного дискурса

Исследование природы психосоциальной активности человека, здесь, в большей мере, дискурсивно-коммуникативной активности, имеет внушительную предысторию. Сущность такой активности выявляется мировоззренчески и социокультурно-исторически в поиске и осмыслении связи человеческой деятельности и сознания. С одной стороны, это фихтеанский взгляд на индивидуальное сознание, где «Я»-субстанция является абсолютным творческим началом, полагающей не только саму себя, но и все существующее как свое «Не-Я». С другой стороны, это гегелевское выведение из принципа деятельности всей человеческой истории и с помощью понятий «цель», «средство» и «результат» проникновение в структуру и сложную динамику духовной деятельности. И, с третьей стороны, это позиция феноменологии, экзистенциализма и особенно прагматизма, где подчеркивается, что практическое логически предшествует теоретическому. Но и это не все, принципиально важно говорить не о том, что индивидуальное сознание раздвоено в своем полагании (как у И.Фихте), а о том, что в сознании заложено само удвоение мира (его производство – К.Маркс), проявляющее себя через императивный принцип поведения – принцип единства сознания и деятельности.

Таким образом, индивидуальное со-знание, являясь со-продуктом индивидуальной деятельности, результатом уникальной детерминации (и потому в своей уникальности «истинной субстанцией культуры»), есть источник изменений как мира, так и самого себя. Оно обладает исключительной способностью к удвоению действительности и разлагает реальность на ее субъективную и объективную форму. Такое постоянное, непрекращающееся удваивание (своеобразная цепная реакция теоретико-практического познания) ведет к универсализации действительности человека и универсальности человеческого сознания, что и является сущностью человека (К.Маркс, Э.В.Ильенков).

Становление универсального в человеке при разворачивании процессов социализации и индивидуализации обусловлено множественным характером взаимоотношения (интеракции-коммуникации-перцепции) человека с миром – не только в формах потребления, а и в формах воспроизводства человеческой и индивидуальной культуры. Концептуальной основой такого становления выступает культурно-историческая логика психического развития человека (Л.С.Выготский и др.), которая подразумевает стадиальность процесса развития психики, совершающего движение от онтогенетически низших подструктур индивидуальности к более высоким. Принципиальным для социокультурного понимания развития человеческой психики будут как эволюционный характер процессов социализации, индивидуализации и личностного роста, так и диалогический механизм развития и воспроизводства культуры, когда взаимодействие людей в форме общения и посредством диалога выступает сутью их деятельности. Причем, индивидуальная культура выступает гарантией социальной деятельности, а культура вообще – гарантией социальной природы человека. Необходимо поэтому говорить о переориентации идеалов общественного развития от «общества с человеческим лицом» к «человеку с общественным лицом», а отсюда и к универсальности этого самого человека.

Рассматривая и синтетически развивая идеи: культурно-исторической теории (Л.С.Выготский, Б.Ф.Поршнев), интегральной индивидуальности (В.С.Мерлин) и деятельностной активности (С.Л.Рубинштейн) можно предложить схему, изображающую незамыкающийся круг уникальной детерминации (обусловленной всем ходом социо-культурно-исторического развития человека и знаковой природой коммуникации: текст, контекст, знак, значение) индивидуального сознания (см. рис. 1).

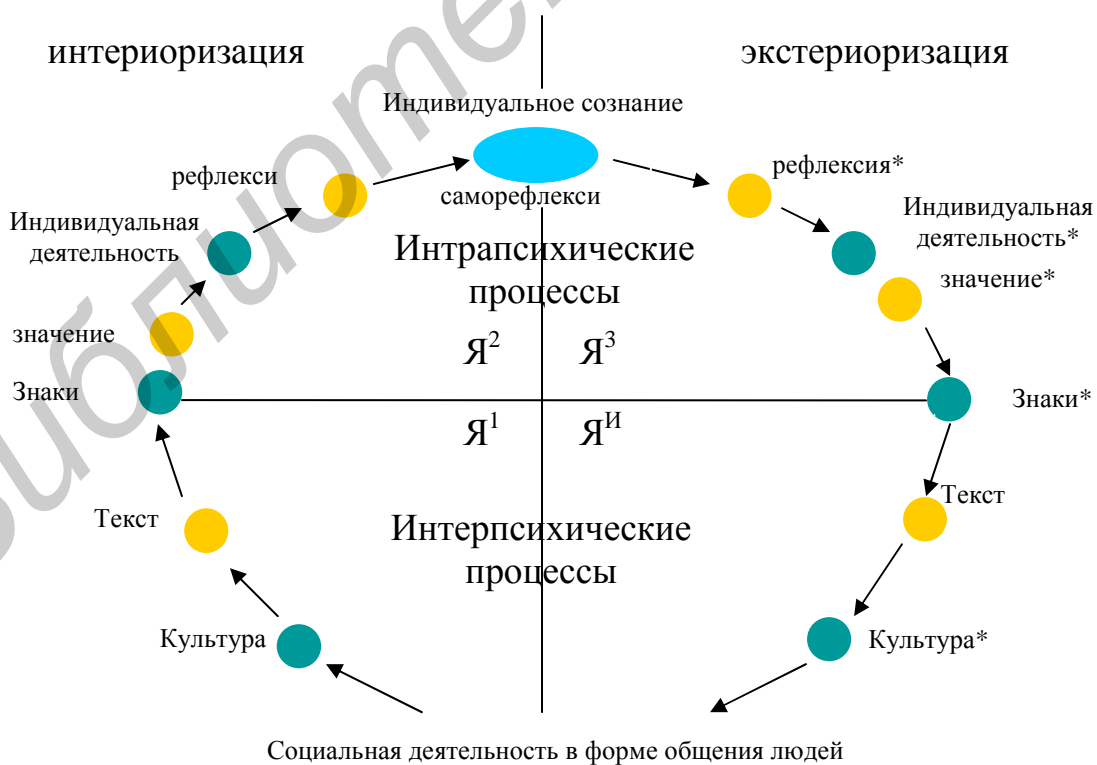

Рис. 1. Круг Выготского-Мерлина-Рубинштейна

Первичность интерпсихического компонента уникальной детерминации, как имеющего социальную природу, и вторичность интрапсихического компонента, как разворачивание индивидуальных психических актов в процессе деятельности, опосредованы знаковым описанием. Однако двойственная природа параметров интрапсихического компонента уникальной детерминации индивидуального сознания обусловлена не только проблемностью знакового описания. Можно видеть, что «значение» (как проекция текстов воздействующей культуры), выраженное при помощи знаков, близко к самому «знаку» и несет смыслообразующую нагрузку, выступая стимулом и обеспечивающее индивидуальную, «потребительскую» деятельность. В свою очередь, «значение», выступающее как порождение индивидуального смысла социальной («воспроизводящей») деятельности, как порождение понятия действия – близко к «индивидуальной деятельности». Таким образом и проявляется двойственная природа как значения, так и индивидуальной деятельности (соответственно бихевиористского и социального толка).

Круг Выготского-Мерлина-Рубинштейна легко членится на четыре фазы:

– интерпсихической интериоризации, связанной непосредственно с процессом социализации и соответствующими этому процессу «детерминирующими» технологиями с выходом во внутренний план формирующейся личности и ее способности к интерактивно-коммуникативно-перцептивным действиям, императивный принцип поведения характеризуется социально-природной *необходимостью* поведенческих актов;

– интрапсихической интериоризации – персонификации с выходом к саморефлексивной, собственно дискурсивной практике, императивность же характеризуется социально-психологической *возможностью* актов поведения;

– интрапсихической экстериоризации – индивидуализации с выходом во внешний план, собственно сформированной, т. е. уже социально-полноценной и право-ответственной личности, с индивидуально-психологической *произвольностью* императивного поведения;

– интерпсихической экстериоризации – универсализации, собственно нравственно и, как следствие, морально, т. е. этически автономной человеческой сущности, характеризующейся социально-культурной *результативностью* человеческой активности.

Возможность пройти (потребность проходить всякий раз!) весь круг характеризует собой смысл человеческой деятельности и жизни человека в целом.

Коммуникативная состоятельность субъекта дискурса

Социальная деятельность в форме общения людей, являясь основанием интерактивно-коммуникативно-перцептивной культуры, определяет и устанавливает соматические-аффективные-ментальные параметры личностного роста. Это не только авторская позиция, но и путь к постижению мировоззренческого эталона (мировоззренческой нормировки), ориентира личностного формирования – *взросления*. Где взрослость можно и нужно рассматривать как преодоленность возможных причин человеческой девиантности: физической ущербности, соматической недостаточности; эмоциональной бедности, психомоторной неразвитости; ментально-умственной и аффективно-волевой инфантильности; дисбаланса притязаний и самооценки, социальной и персональной позиций; социально-психологической изоляции и самоизоляции...

Трансформация Я. Социализация. В процессе социализации усваивается и воспроизводится определенная мировоззренческая ориентация, система знаний, технологий познания, способствующих адекватной актуализации интериоризированного социального опыта, формированию и развитию личностных качеств, системы их саморегуляции, постепенно трансформирующих опыт произвольного управления поведенческими реакциями в свободу личного самоопределения. Мировоззренческая ориентация в целом табуирована (конкретно-исторически понята, определена), что вполне естественно. Такая естественность порождает триадическую конструкцию (назовем ее «Мы-коммуникацией»): субъекты-носители, субъекты-«пользователи» («послушники»), каноническая система требований. Отсутствие (или даже неразвитость) любого элемента ведет к конфликтам, противоречиям. Так, ускоренное развитие современной, техногенной цивилизации делает весьма сложной проблему социализации и формирования личности. Меняющаяся действительность разрывает сложившиеся в культуре связи и отношения, связи человека делаются спорадическими, они, с одной стороны, стягивают всех индивидов в единое глобальное сообщество, а с другой – изолируют, атомизируют людей. Но именно потому что человек социален, он реально способен выдерживать и это противоречие.

При желании можно проследить по отсылочной схеме за особенностью создания (организации и/или самоорганизации) как некой специальной для субъекта «ближайшей зоны развития» (Л.С.Выготский), так и условий для дифференциации – человек «только в обществе и может обособляться» (К.Маркс), что выступает источником не только целесообразности развития самого субъекта, но и средством подготовки к самостоятельной активной и продуктивной деятельности.

С точки зрения коммуникативной дискурсивности человеческая жизнь в стадии социализации есть продукт манипуляций со стороны социума, т. е. в первую очередь внешней манипуляции. Необходимость и неизбежность манипуляций вертикального типа (сначала сверху вниз) порождает ответную манипуляцию (снизу вверх), хотя и искаженную, но не менее эффективную. Манипуляции становятся взаимными и всеобщими – развитие отношений прекращается. Хотя эффекты и эффективность манипуляций в свое время замечательно описал наблюдательный Д.Карнеги, предложивший прикладное решение возникших в период Первой мировой войны и великой депрессии проблем, все-таки карнеги-вариант – американский «конформистский», прагматический вариант «разрешения» конфликтных ситуаций – идеализация педагогического толка, когда добрый и сильный (в целом *superman*) проецирует (навязывает) приемлемую (то ли большинству, то ли системе) стратегию поведения. Приемлемая стратегия для одних требует овладения техникой восприятия коммуникативных действий (видение, слушание и т. п.), для других – техникой самопрезентации (привлекательность, успех, удовлетворенность).

Таким образом, социализация – это аккумуляирование «социализированных» опыта, информации, технологий. Причем, информационный голод или избыточная информация (и первое, и второе – ситуация неопределенности) есть источник индивидуальной активности, когда целью последней является восстановление внутренне субъективного равновесия. Эта первичная индивидуальная активность *репродуктивного* мышления формирует еще не готовое, но уже подготавливаемое к взаимодействию «Я», и преобразует условно социализированное индивидуальное сознание в условно персонифицированное. Индивидуальное «Я» здесь существует в форме

«предполагаемого Я» – Я¹, «жизненного пространства» (в типологии К.Левина), предполагаемого для взаимодействия «Я» (см. рис. 2). Это этап взаимодействия с внешним информационным полем (у Левина это «непсихологический мир»), когда происходит общее, синкретизированное накопление пропускаемой (или способной быть принятой) в индивидуальное сознание информации.

Рис. 2. Трансформация Я. Социализация

Трансформация Я. Персонификация. Персонификацию можно рассматривать как двусторонний процесс социализации индивида и индивидуализации личности. Обе стороны этого процесса находятся друг с другом в диалектическом единстве. Однако «персонификация» не рассматривается здесь ни как снятие диалектического противоречия «индивидуального» и «социального», ни как синоним такой индивидуализации, которая есть «персонифицированная форма» реализации социальных функций индивидов. Она рассматривается лишь как переходная форма, т. е. персонификация отдельных, некоторых функций социализирующегося индивида или индивидуализирующейся личности, ибо диалектическим синтезом «природного» и «социального» при главенстве «индивидуального» явится «очеловечивание» индивида в лице *Ното moralis*. Поэтому персонификация в достаточной степени искусственный процесс, своеобразная иллюзия, некая высказанная формальность, декларация. Культура вырабатывает необязательные для исполнения традиции, этические требования преобразуются в этикет – набор правил и всякого рода покаяний, дающих возможность эти правила не исполнять. Каноническая система требований рушится и отношения переходят в диадическую форму (назовем ее «Ты-коммуникацией»).

Осмысление и истоки такой формы можно найти в средневековой герменевтике, в концепции разумного эгоизма, у Л.Фейербаха: «Человек одновременно и «Я» и «ты»; он может стать на место другого именно потому, что объектом его сознания служит не только его индивидуальность, но и его род, его сущность» [1, с. 31] и К.Ясперса – коммуникация как универсальное условие человеческого бытия и проблема понимания, встреча с «Другим» и реализация «Я» в процессе самораскрытия (понимающая психопатология) с переходом в экзистенциальную коммуникацию (к М.Хайдеггеру – человеческое бытие есть бытие с другим) и т. п.

Коммуникативная дискурсивность на стадии персонализации есть продукт феноменологической трансакции одновременно присутствующих образов «Я» (позиция согласуется с Я-концепцией, ролевыми и диспозиционными теориями личности). Стратегия анти-Карнеги [2] и выход в трансакцию (своеобразную самоманипуляцию суммативно горизонтального типа) – это ролевая стратегия (например, Э.Берн, К.Роджерс, Э.Шостром и др.): развитие и освоение социально-ролевого поведения, но и прирастание масок. Успех централизованных на человеке (по Роджерсу) технологий межличностного общения можно связать с эйфорией 1960-х годов, а анти-карнеги-вариант рассматривать как в целом эклектический, постмодернистский вариант – идеализацию психологического толка, когда толерантный, гибкий, «чувственный интеллект» – эмоционально-наполненный эгоист «покоряет ваши сердца». Такая стратегия требует целенаправленного совершенствования коммуникативной компетентности, т. е. освоения техник реализации социально-ролевых действий (идентификация, презентация, перформанс), «понимания» и оценки подобных действий (сопереживание, сопричастность, соответствие).

Персонифицированная активность достигает уровня *алгоритмического* мышления и проявляется в направленной актуализации обратных связей субъектом взаимодействия, но требует овладения навыками индивидуальной психологической защиты. Персонифицированный же дискурс проявляет себя как «внутреннее» отношение собственных мотивов и притязаний, в результате возникает чувственное и абстрактно-логическое оперирование «идеями» (игра мысли, воображение и фантазия), а иногда – реальное моделирование ситуации (производство новой информации или производство информации на более высоком ее уровне организации). Подобное мышление обеспечивает только предпосылку диалогической формы взаимодействия.

Таким образом, персонификация опыта, технологий, сознания предполагает, по смыслу, снятие возникшей информационной неопределенности или хотя бы интуитивное опережающее отражение реальности. Накапливаемый информационный потенциал требует первичной систематизации и классификации наличной информации и провоцирует «Я» на пробное персональное формулирование и выделение проблемного поля для возможного впоследствии самостоятельного действия (у Левина человек дифференцирован и разделен на перцептуально-моторный и внутренний (innerpersonal) регионы). С рефлексивной точки зрения это «внешнее», формулируемое в языке отношение, направленное на потребителя (самого себя или другого) и отчуждаемое от субъекта (в форме образа, информации, знания). Персонификация – монологическое (ролевое, алгоритмическое) мышление, порог насыщения психического отражения реальности, «*кажущееся Я*» – Я² (см. рис. 3). Прорыв Я¹-оболочки возможен только изнутри (при достижении критической массы), как результат «непосредственной» рефлексии (Я² не познано, познано только Я¹), т. е. «Я знаю, что ничего не знаю».

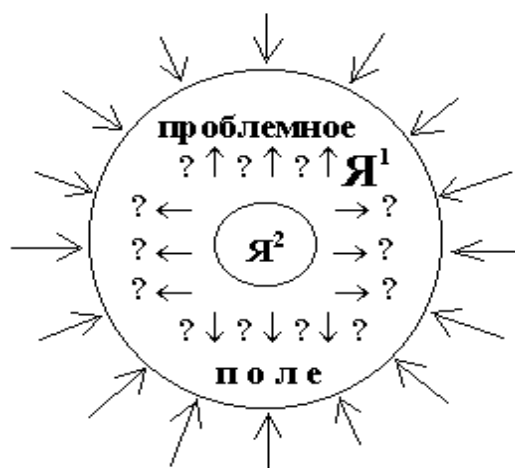

Рис. 3. Трансформация Я. Персонификация

Трансформация Я. Индивидуализация. Индивидуализация могла бы рассматриваться как организация движения от нормативного регулирования социальных отношений в зарождающемся и осознаваемом диалоге к ответственности участников диалога за его результат; поиск разрешения и практическое снятие диалектического противоречия «социального» и «природного», посредством перевеса целей жизнедеятельности над средствами. Фактический выход из среды задачи в среду проблемы (т. е. не только технологическая, но и творческая достаточность), а в результате выход за внешне-диалоговую форму взаимодействия, в виде индивидуализации диалога, рефлексирования; а также формирование идеальной модели самодостаточного, равноправного и равноответственного внутреннего диалога, когда актуализация «Я» из необходимости превращается в потребность. Диалогизация индивидуального сознания приводит к рефлексированию субъектом себя, т. е. к саморефлексированию. Теперь объектом познания становится сам субъект, некоторое самосубъектное отношение субъекта и объекта познания: оценивание; контроль; управление; попытка описания процесса рефлексии через установки и стиль мышления; проекция внешней объективности взаимодействия и социальной природы субъекта, как производство информации; собственно рефлексирование, ментальная автономность и выход к творчеству.

Дискурсивный характер коммуникации на стадии индивидуализации («Я-коммуникация» – монадическая конструкция: эгоида) не сводится к автокоммуникации (по Ю.М.Лотману), когда речь идет об отождествлении адресата и адресанта. Коммуникация на этой стадии – это актуализация (самоактуализация) гармонично реалистического типа. В целом планетарный универсалистский вариант стратегии (своеобразный «анти-Шостром» проект) – идеализация этического, нравственного толка – ответственность, творчество, автономность. Такая стратегия требует освоения техник реализации мотивационно-ценностных презентаций (инициативность, уверенность, компетентность) и эффективности взаимодействий (преодоление стереотипов, согласованность, результативность).

Трудности по реализации этого проекта обнаружились уже к 80-м годам XX века: разработанность параметров самоактуализации (А.Маслоу) не смогла препятствовать приостановке гуманистических разработок (Э.Фромм в который раз

указывает на социальные причины), управление действительностью (в частности Э.Шостромом) понимается узко (в целом бихевиористски, технократически), без обратных («смысловых») связей, не социально-ответственно. Восстанавливается требование изменить мир и открыть путь к себе, к сущности, индивидуальной уникальности, универсальности, всеобщности «Я» – быть всем, быть в ответе за все (этика как практическая философия!). Осмыслить такой масштаб, вырваться «по ту сторону добра и зла», иметь возможность умозаключать, синтезировать и понимать – это уже диалектика, «истинная» коммуникация, т. е. реальная возможность быть услышанным и высказаться самому (в процессе личного общения «по поводу» истины) и вся современная «гуманистика» (Ильенков, Маслоу, Роджерс, Фромм и др.).

Индивидуализация – смысловое моделирование себя в культуре – «действующее Я» – Я³ (связь с теорией поля К.Левина здесь прекращается, см. (рис. 4)). Диалогическое (и продуктивное) мышление. Прорыв Я²-оболочки также возможен только изнутри как результат «опосредованной» рефлексии (опосредовано индивидуальным социокультурным опытом). Я² познается, т. е. рационализируется и формализуется, и оно доступно для культуры (для потребления другими). При этом Я³ организуется, понимается, а познается только мера. «Непосредственная» рефлексия себя и меры (идеала – Я^I) приводит к тому, что Я переживается, т. е. «Я знаю, что Я живу».

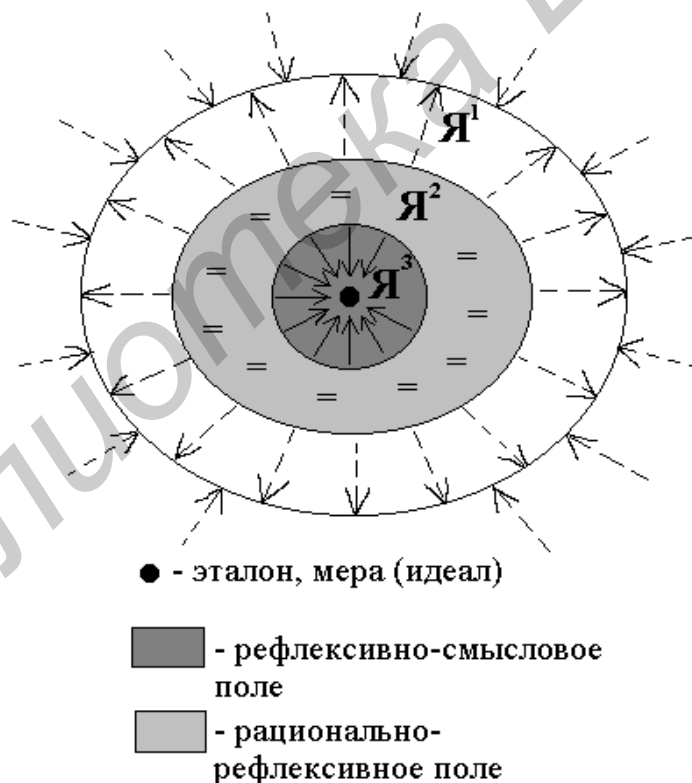

Рис. 4. Трансформация Я. Индивидуализация

Смысл же, кроме нормативной функции, исполняет также роль самооценки качества жизни, т. е. выступает показателем мировоззренческой зрелости индивида: смысл ищется именно у жизни и может быть найден в тех ее объектах, ради которых этой жизнью человек готов пожертвовать – мировоззренческая ориентация в

целом опирается на мораль (категорически и императивно постигаемую). Конкретный индивид смиривает (и осмысливает) себя с равносильными и равномасштабными себе объектами, а чувство меры культивируется в процессе рефлексирования индивидуальных пограничных (или переходных) жизненных обстоятельств.

Трансформация Я. Универсализация. Остается проблема универсализации, «культурализации» сознания – устанавливание сознания на некоторый ориентир, эталон. Процедура формирования, воспитания (диалектическому мышлению собственно нельзя научиться, это может быть только воспитано) познавательной культуры. «Культурализация» сознания – это «эталонирование», но не канонизация продуктов диалогического взаимодействия; формирование опорных сигналов, идеалов и норм социально-значимой информации. И поэтому окультурированное индивидуальное сознание становится объектом дальнейшей социализации. Рассматривая здесь эталонирование как своего рода социально-значимый ориентир, необходимо и индивидуально-, и общественно-заинтересованно разрабатывать активную технологию эталонирования. Неразработанность именно такой активной технологии ведет к канонизации социально-значимых ориентиров, к фиксации их на бумаге, а не в умах людей, к формализации отражения действительности, а не к пониманию ее.

Формальная технология процесса самореализации и трансформации «Я» требует соблюдать строгую последовательность конкретного разрешения проблем и исполнения каждого этапа трансформации. Единственно, что возможно в практике такой трансформации, это сознательное или нет прекращение движения к следующему этапу, ибо предшествующие шаги всегда будут образовывать самодостаточную (самоцельную и результативную) последовательность культурообразующих индивидуальные личностные качества начал. Так, завершение только первого этапа трансформации – это готовность, установка, восприимчивость требований стандартов социально-культурных программ, имеющих ту или иную конкретно-историческую определенность. Завершение второго этапа выводит не только на способность исполнительски действовать в соответствии с существующими требованиями социально-культурных стандартов, но и осмысленно переживать чувство социально-культурной идентичности, соответствующей конкретным жизненным обстоятельствам. И только завершение третьего этапа трансформации предполагает истинную локализацию творческих функций развитой личности, ее универсализацию, мировоззренческую зрелость и готовность к осознанию своей социальной и культурологической роли, меры ответственности и, соответственно, возможность занять достойное место в обществе. Знание и соблюдение порядка рассмотренных выше этапов трансформации индивидуального сознания ведут к универсальным организационным формам развития, жизни и, как следствие, обучения (индивидуальным программам развития; равенству обучающихся; естественным условиям обучения; самоорганизации, личной заинтересованности и высокому уровню социальной поддержки), а потому к передаче, закреплению и распространению опыта творческих технологий в быту, науке, искусстве и культуре.

Что необходимо для этого? Необходима не сама видимость конечной цели как таковая, а образцы видимого (парадигмы), т. е. эталоны, делающие доступными на практике и самоактуализацию, и оптимистическое конструирование социального бытия, и приоритетность будущности, и «культурализацию» человеческого сознания в целом.

Список использованных источников

1. Фейербах Л. Сущность христианства // Избр. философские произв. М., 1955. Т. 2. С. 7–406.
2. Шостром Э. Анти-Карнеги или человек-манипулятор. Минск, 1992. 128 с.

Библиотека БГУИР
